

7 ЛУЧШИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

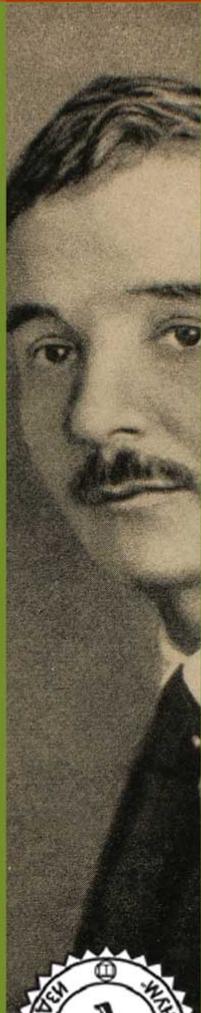

АНТОН
ЧЕХОВ

ВЛАС
ДОРОШЕВИЧ

САША
ЧЕРНЫЙ

АЛЕКСАНДАР
КУПРИН

О. ГЕНРИ

ДЖЕРОМ
К. ДЖЕРОМ

АРКАДИЙ
АВЕРЧЕНКО

Коллектив авторов

7 лучших юмористических рассказов

«ИП Стрельбицкий»

Коллектив авторов

7 лучших юмористических рассказов / Коллектив авторов — «ИП Стрельбицкий»,

ISBN 978-5-04-005541-8

В книге представлено 7 лучших юмористических рассказов, вышедших из-под пера блестящих русских и зарубежных писателей, «королей смеха», творивших на рубеже XIX–XX вв. Смех — это одно из наиболее ценных достояний человека, свидетельство его свободы и гарант хорошего настроения. Благодаря этой книге Вы узнаете, как и над чем смеялись в разных уголках земли более ста лет назад. Тематика рассказов различна, однако их объединяет величайшее авторское умение подмечать веселое и комичное даже в самых скучно-серых бытовых вопросах, меткость характеристик и легкий слог.

ISBN 978-5-04-005541-8

© Коллектив авторов
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Антон Чехов	5
Влас Дорошевич	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

7 лучших юмористических рассказов

Антон Чехов Лошадиная фамилия

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние – жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька предлагали каждый свое средство. Между прочим, и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

– Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, – сказал он, – лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы – первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет – и как рукой! Сила ему такая дадена...

– Где же он теперь?

– А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних, саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

– Ерунда! Шарлатанство!

– А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин.

– Пошли, Алеша! – взмолилась генеральша. – Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

– Ну, ладно, – согласился Булдеев. – Тут не только что к акцизному, но и к черту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

– Его в Саратове каждая собака знает, – сказал приказчик. – Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

– Ну?

– Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Черт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

– Ну что же? Скорей думай!

– Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая – из головы вышибло...

– Жеребятников?

– Никак нет. Постойте... Кобылицин... Кобылятников... Кобелев...

– Это уже собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

– Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то!

– Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

– Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...
– Коренников? – спросила генеральша.
– Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!
– Так зачем же, черт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? – рассердился генерал. – Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

– Ой, батюшки! – вопил он. – Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

– Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

– Вспомнил? – спросил генерал.

– Никак нет, ваше превосходительство.

– Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

– Табунов? – спрашивали у него. – Копытин? Жеребовский?

– Никак нет, – отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. – Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

– Папа! – кричали из детской. – Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

– Гнедов! – говорили ему. – Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия все еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

– Не Меринов ли? – спросил он плачущим голосом.

– Нет, не Меринов, ваше превосходительство, – ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

– Да, может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

– Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

– Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

– Пускай рвет! – решил он. – Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...

– Буланов... Чересседельников... – бормотал он. – Засупонин... Лошадский...

– Иван Евсеич! – обратился к нему доктор. – Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

– Надумал, ваше превосходительство! – закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. – Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

– На-кося! – сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. – Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

Влас Дорошевич Женихи Одесская трагедия

Я шёл по опушке Хаджибейского парка. Как вдруг из куста вылетел молодой человек. Я даже вздрогнул:

– Бешеный!

Без шляпы. Костюм в клочьях. Зрачки глаз расширены от ужаса. Мокрые волосы прилипли ко лбу.

И прямо мне в ноги:

– Ради Бога!.. За мной гонятся!.. Я кинусь в эти кусты, – не выдавайте меня!.. Они!!!

И молодой человек ринулся в кусты.

Что такое? Что случилось? Что человек наделал?

Убил кого-нибудь? Зарезал?

Может быть, просто украл, – нынче у молодых людей это в моде.

По парку шёл треск.

Вправо от меня слышался лёгкий треск, словно летела какая-нибудь легконогая серна.

Полевее слышался треск посolidнее, словно прыгала тигрица.

И, наконец, прямо кусты трещали так, словно валил медведь.

Треск слышался всё ближе и ближе. Послышалось тяжёлое, прерывистое дыхание, какое-то сопение...

Может быть, и на самом деле медведь?..

Я оглянулся на всякий случай, – близко ли дерево?

– У-лю-лю! – раздался отчаянный вопль; кусты раздвинулись, – и я остолбенел.

Из кустов показался Иван Иванович, милейший Иван Иванович, добрейший Иван Иванович, почтенный отец семейства, – но в каком виде!

Лицо налилось кровью, в глазах ярость, волосы дыбом, и прямо ко мне.

– Подлеца видел?

– Какого подлеца?

– Подлец тут пробежал. Не видал?

– Да почему же, Иван Иванович, отличить человека, подлец он или нет? Нынче это трудно...

– Не видал, значит? Ну, да всё равно. Он от меня не уйдёт, не уйдёт, негодяй!

Иван Иванович погрозил кулаком:

– Благословлю!.. Благословлю анафему!..

И он так кричал «благословлю», словно хотел оторвать голову:

– Благословлю!.. Не убежишь! Нет, ты только вообрази, какова шельма: из-под благословения вырвался... Ну, да, брат, ладно! От меня не уйдёшь! У меня это всё правильно устроено: облава! Я, брат, охотник. На медведей ходил! У меня сторожа подкуплены. Куда ни побеги, – на сторожа наткнёшься. Весь парк оцеплен. А по кустам жена и дети пущены. Сынишка Петька на велосипеде рыщет. Дочь бегаёт, жена. Как только увидят, сейчас на меня гнать начнут и «у-лю-лю!» кричать. Хорошо бы гончими его, ракалию, потравить. Ну, да за неимением гончих своим семейством обойдёмся. Жене прямо сказано: увидишь, мёртвой хваткой за шею бери и вали. А отбиваться начнёт, – за ноги кусай, чтоб бегать не мог. А я тем временем подойду и благословлю.

– Да что с тобой, Иван Иванович? От жары это у тебя, что ли? С чего это ты таким неподходящим делом вздумал заняться! Анафем благословлять?!

– А что ж с ними делать, как не благословлять? Благословлю, – и кончено. Нет, ты себе представить не можешь, до чего подлый нынче молодой человек пошёл! Ты ему всякое удовольствие, угощаешь, окрошку для него делаешь, а он в благодарность хоть бы на твоей дочери женился. Хоть бы из вежливости! Окрошку ест, и даже по две тарелки, а как до свадьбы дошло, – «не расположен», говорит. К одной окрошке расположение и чувствует. Ты только представь себе. Приезжает на лиман молодой человек. Ну, я, натурально, сейчас через кухарку узнал. У меня ведь все чужие кухарки на жалованье. Как где показался молодой человек, сейчас обязана бежать и извещать. А уж я прихожу и знакомлюсь.

– Как, к незнакомому приходишь?

– А мне плевать, что он незнакомый. Познакомлюсь! Прихожу – вижу, молодой человек. «Ногой, – говорит, – страдаю». Мы в нём участие приняли, дочь даже за него замуж выдать хотели. А он, на-ко! Через перила!

– Как так? Через перила?!

– Очень просто. Сидим это мы перед обедом на террасе. Жена окрошку приготовляет. Она какую-то особенную делает, горчицы в неё много кладёт, – словом, от этой окрошки человек в некотором роде чувств лишается: сам не понимает, что говорит, что делает. Я поодаль сажу, чтоб молодым людям не мешать. А Олечка с ним, с анафемой, около перил об окрошке говорит. «Вы, – спрашивает, – Семён Иванович, окрошку любите?» – «Люблю, – говорит, – особенно с раковыми шейками! Раковые шейки – это восторг, что такое! Что может быть лучше шейки?» Кажется, объяснение прямое? Чего ж ещё ждать? Я к ним: «Я, говорю, вас, Семён Иванович, понял! Берите Олечку, целуйте её шейку, сколько вам угодно»... И только что хотел благословить, а он, подлец, ногу через перила – и в кусты. Мы и погнались!

В эту минуту где-то вдали послышался отчаянный вопль:

– Иван Иванович! Сюда! Держу!..

– Жена вцепилась!

И Иван Иванович шархнулся в кусты.

– Держи!.. За ноги кусай!.. Я сейчас!.. За ноги... За ноги...

Голос Ивана Ивановича слышался всё ближе и ближе к тому месту, откуда раздавались вопли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.